

London: Royal Institute of International Affairs. URL: http://www.chathamhouse.org/sites/files/chathamhouse/public/Research/Russia%20and%20Eurasia/0812bp_grigas.pdf (accessed 18.09.2014).

Grinevičiūtė R. 2013. *Raudonoji Dalia: nuslėptieji Dalios Grybauskaitės biografijos puslapiai*. Rūta Janutienė. Vilnius: Nataiva. 271 p.

Kuris G. 2012. Balancing Responsibilities: Evolution of Lithuania's Anti-corruption Agency 1997–2007. — *Innovations for Successful Societies*. Princeton University. URL: http://www.princeton.edu/successfulsocieties/content/data/policy_note/PN_id219/Policy_Note_ID219.pdf (accessed 18.09.2014).

Pehe J. 2009. Life beyond Communism: Democracies without Democrats. — *Transitions Online*. Is. 10/13.

Villaveces-Izquierdo S., Uribe Burcher C. 2013. *Illicit Networks and Politics in the Baltic States*. International Institute for Democracy and Electoral Assistance. Stockholm. 40 p.

SMIRNOV Vadim Anatol'evich, Dr.Sci.(Pol.Sci.), Senior Researcher, Immanuel Kant Baltic Federal University (A. Nevskogo str., 14, Kaliningrad, Russia, 236041; Vsmirnov@kantiana.ru)

INFORMAL DIMENSION OF POLITICAL PROCESS IN LATVIA, LITHUANIA AND ESTONIA: THE MAIN TRENDS

Abstract. The article analyzes the informal dimension of political process in Latvia, Lithuania and Estonia after break-up of the Soviet Union. Based on the data from international organizations, the article demonstrates that informal, opaque practices of intra-elite interactions remain an important challenge to their political systems, despite the successful accession in 2004 to the European Union and the formal compliance to democratic procedures. In particular, it is peculiar to the Republic of Lithuania. Despite a decade passed since Latvia, Lithuania and Estonia joined the European Union, informal practices are still among the set of tools and methods for making important policy decisions used alongside the official, formal tools.

The retrospective analyze shows that Lithuania demonstrates the regression in some indicators (in particular, the level of public confidence in politicians, in terms of public perception of corruption). Country in which the informal «friendly» relations are more important than legal and legitimate rules and «clubs of classmates» try to substitute power would inevitably face the problem of the fall of the level of confidence in their own government institutions, as well as the worsening gap between the elite circles and mass groups.

In this regard, the political system of Latvia, Lithuania and Estonia are unlikely to be called the finally formed. The problem of informal dimension of political process is still on the political agenda and exacerbates the very complicated domestic situation in all Baltic states.

Keywords: elites, Baltic states, informal interactions, corruption, trends

---

ЭМИРОВ Рашид Маратович — к.полит.н., сотрудник правоохранительных органов (donna@front.ru)

ДИАСПОРЫ КАВКАЗСКИХ НАРОДОВ В СТРАНАХ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

Аннотация. В статье предпринята попытка проанализировать некоторые проблемы диаспор народов Кавказа в странах Большого Ближнего Востока в контексте взаимоотношений двух регионов. По целому ряду весьма значимых критериев Северный и Южный Кавказ рассматриваются в их геополитическом измерении как единое пространство, где геополитика теснейшим образом связана с этнополитикой. В то же время геополитические границы Кавказа простираются на юг, на территорию Большого Ближнего Востока, который близок ему по целому ряду системных и структурных характеристик. Одним из факторов, усиливающих такую близость, стало переселение в ходе и после окончания Кавказской войны XIX в. в страны, входившие в состав бывшей Османской империи, представителей северокавказских народов, определенная часть которых стремится вернуться на историческую родину.

Ключевые слова: Кавказ, Ближний Восток, Кавказская война, диаспора, геополитика, государство

Кавказ занимает уникальное геополитическое положение в обширном Черноморско-Каспийском регионе. С точки зрения геополитических реальностей для России он представляет собой своего рода пограничное пространство, интегральную часть ее южного «подбрюшья». В то же время его можно рассматривать как часть более широкого перекрестного геополитического пространства, каковым является Ближний Восток или, как сейчас принято называть регион, Большой Ближний Восток, где сталкиваются интересы множества как сопредельных государств, так и великих держав. Для обоих регионов характерны этническая и политическая раздробленность, существование множества народов и этнических групп, исповедующих различные религии — от христианства и ислама до буддизма и зороастризма, что обуславливает их этнонациональную и конфессиональную пестроту и разнообразие. В предлагаемой вниманию читателей статье предпринята попытка проанализировать некоторые аспекты этой проблемы, оказывающие более или менее заметное влияние на геополитические контуры и основные векторы развития всего Ближневосточно-Кавказского региона.

Для Кавказа на протяжении всей его истории переселения и миграции населения, которые порой существенно меняли ареалы и границы заселения тех или иных народов, стали важнейшими факторами, определявшими его этнонациональный облик. В этом плане особое значение имел тот факт, что через Кавказ с незапамятных времен проходили многие племена — от киммерийцев и скифов до алан, гуннов, тюрков, ираноязычных кочевников и др., часть которых оставались в регионе и, смешиваясь с автохтонным населением, создавали новые этнические общности. Немаловажное значение с рассматриваемой точки зрения имели внутренние миграции представителей различных этносов в различных направлениях, особенно с Северного Кавказа в Закавказье и обратно — с юга на север.

В результате таких перемещений этнонациональное пространство Северного Кавказа включает территории, занятые такими этносами, как абхазы в Абхазии, осетины, проживающие в Южной Осетии, аварцы и чеченцы-кistiны — в Грузии, лезгины, аварцы, цахуры, рутульцы — в Азербайджане и т.д. С точки зрения этнического, традиционного, социокультурного, языкового и др. аспектов они могут быть отнесены к Северо-Кавказскому региону, хотя с точки зрения юридически-правового, политического аспектов они входят в состав разных государств. В результате после распада СССР целый ряд народов оказались разделенными не просто административными образованиями, а государственными границами. Так, осетин разделила государственная граница между Грузией и Российской Федерацией, на долю лезгин выпала участь быть разделенными между Российской Федерацией и Азербайджаном и т.д.

Положение дел на Южном Кавказе в рассматриваемом плане нельзя считать менее сложным. Здесь, кроме вышеперечисленных смешений и разделений народов, культур, языков и судеб, также весьма значима проблема разделенных народов. В частности, в Грузии в районе Самцхе-Джавахети компактно проживают армяне, составляющие 10% населения Грузии, которые добиваются если не отделения и присоединения к Армении, то во всяком случае — той иной формы автономии. В Квемо-Картли, включающем в себя 4 района с центрами в Гардабани, Болниси, Дманиси и Марнеули, компактно проживают азербайджанцы, численность которых, по имеющимся данным, насчитывает от 300 до 500 тыс. чел. Часть армян — жителей Нагорного Карабаха оказалась в Азербайджане, что стало причиной кровопролитной войны между двумя южнокавказскими государствами.

Иначе говоря, несмотря на наличие четких административных границ, соединяющих регион с остальным миром, Кавказ как геополитическое пространство характеризуется сложным комплексом специфических особенностей этнонационального, конфессионального, территориально-географического, исторического, социально-экономического, социокультурного и иного характера. Во многом этим объясняется необходимость рассматривать Южный Кавказ и Северный Кавказ в их геополитическом измерении как единое пространство, где геополитика теснейшим образом связана с этнополитикой.

С рассматриваемой точки зрения немаловажное значение имеет тот факт, что

одну из значительных деформаций этнонационального и демографического характера Северный Кавказ испытал в середине XIX в., когда в результате Кавказской войны значительные массы народов региона вынужденно или добровольно переселились в Османскую империю, в состав которой в тот период входили многие территории нынешних государств Ближнего и Среднего Востока. По разным оценкам Северный Кавказ тогда покинуло от 350 тыс. до 1 млн чел. Некоторые авторы увеличивают эту цифру до трех с лишним млн чел., что у многих неангажированных исследователей вызывает обоснованные сомнения.

Но как бы то ни было, на Ближнем и Среднем Востоке сложилось новое этнокультурное образование – так называемая черкесская диаспора, в которую влились представители разных народов как Северо-Западного, так и Северо-Восточного Кавказа. Самоназвание этнических групп Северо-Западного Кавказа, родственных по языку и культуре, звучит как «адыге». Сегодня адыги состоят из трех основных субэтнических групп: адыгейцев, кабардинцев и черкесов. Именно последний этноним стал трансэтническим обозначением на Ближнем Востоке всех выходцев с Северного Кавказа. Принятое в русской и иностранной литературе XIX в. подобное расширенное истолкование слова «черкес» основывалось на том, что в то время адыги по численности были самой крупной этнической группой на Северном Кавказе, оказывавшей большое влияние на окружающие их народы.

Начиная с эмиграции (мухаджирства), историческая судьба этих народов оказалась тесно связана с народами и государствами Ближнего и Среднего Востока, превратившимися для них в новую родину. В настоящее время диаспоры северокавказских народов представляют сравнительно заметную часть населения ряда стран региона.

Определить сколько-нибудь точно численность диаспор северокавказских народов представляется практически невозможным, поскольку в Турции и ряде других стран, образовавшихся после распада Османской империи, проводилась политика насильственной натурализации. В Турции в переписи населения нет рубрики, фиксирующей национальность, поскольку все подданные считаются турками. Ту или иную степень ясности в этот вопрос можно внести лишь с помощью косвенных данных. К примеру, если численность населения Турции в момент ее образования в 1920 г. составляла примерно 12 с лишним млн чел., то в настоящее время она достигла 70 млн чел. Та же тенденция характерна и для других стран бывшей Османской империи. Естественно, пропорционально росла также численность диаспор северокавказских народов. По данным Р. Трахо, относящимся к 1956 г., в Турции нет ни одного вилайета, где бы не было черкесских поселений, при этом численность самих черкесов достигает 4 млн чел. [Трахо 1956: 41]. Ряд современных российских авторов рассматривают в качестве обоснованных цифры от 5 до 7 млн чел.

Диаспоры северокавказских народов играют определенную роль в общественно-политической жизни стран проживания. О значимости представителей северокавказских народов свидетельствует тот факт, что в парламенте Иордании для них официально выделена квота в 3 места. По имеющимся сведениям, личная охрана короля Хусейна в 60-х гг. состояла в основном из иорданцев чеченского происхождения. Они и в наши дни так или иначе участвуют в организации охраны монарха. В стране функционируют «Чеченское благотворительное общество» и «Общество друзей Чечено-Ингушетии». В Аммане выходит журнал черкесской диаспоры на арабском языке под названием «Нарт», в котором публикуются статьи по кавказским проблемам, на темы современной жизни черкесской диаспоры в Иордании и Сирии. Действует также черкесская школа.

Здесь особо следует отметить проблемы разделенного азербайджанского народа и армянской диаспоры на Ближнем и Среднем Востоке. Ключевое место с этой точки зрения занимает Иран, где, по имеющимся данным, проживают от 1,5 до 2 млн армян, большинство из которых приходится на Иранский Азербайджан, Тегеран и Исфахан [Тарок 1997: 186]. В послевоенные годы многие иранские армяне переехали в Советский Союз, но теми или иными путями поддерживали связи с родственниками или друзьями в Иране. В Конституции Исламской Республики

они признаются национальным меньшинством, и как таковые представлены своими депутатами в меджлисе. Значительные контингенты армянского населения сосредоточены в Турции, Сирии, Ливане и ряде других стран Ближнего и Среднего Востока. Необходимо отметить, что зарубежная диаспора оказывает значительную материальную и финансовую помощь Армении, инвестирует солидные средства в ее экономику.

Что касается азербайджанцев, то они составляют почти треть населения Ирана, здесь их в два-три раза больше, чем в самом Азербайджане. При этом следует отметить, что для иранского общества характерна довольно далеко идущая интеграция курдского, белуджского, туркменского, арабского и армянского меньшинств.

Особого внимания заслуживает так называемый курдский вопрос. Курды – один из древнейших народов Передней Азии. Они компактно населяют историческую область Курдистан на юго-западе азиатского материка, которая занимает смежные территории юго-восточной Турции, северо-западного Ирана, северной Сирии и северной Турции. Они расселены в странах обитания неравномерно: в Турции – около 47%, в Иране – около 32%, в Ираке – около 16%, в Сирии – около 4%, в государствах бывшего СССР – около 1%. Определенное число курдов проживают в других странах Ближнего Востока и Западной Европы. По имеющимся данным, общая численность курдского населения в настоящее время приближается к 30 млн. Они являются самым крупным этносом мира, лишенным своей государственности.

Поэтому естественно, что борьба курдов за национальное освобождение и создание своего независимого национального государства делает курдский вопрос одной из самых острых и актуальных проблем мировой политики. Можно без преувеличения сказать, что курдский вопрос стал своеобразной лакмусовой бумажкой для определения состояния политической ситуации в регионе. При этом необходимо отметить, что проблема сепаратизма курдов грозит Ближнему Востоку серьезными последствиями. Большинство ближневосточных государств являются странами с пестрым этническим составом, и их передел может вызвать цепную реакцию в сопредельных регионах.

В течение длительного периода диаспоры кавказских народов в силу самых разных причин оказались в отрыве от материнских этносов. В наши дни подвижность и неопределенность геополитических границ Кавказа и Каспийского, Черноморско-Средиземноморского и Ближневосточного регионов стали еще больше. После распада СССР Кавказ, который совсем недавно был как бы изолирован от остального мира, в 90-е гг. минувшего века превратился в один из важных с геополитической точки зрения регионов. Открылась еще одна практическая закрытая граница между диаспорами кавказских народов в странах Ближнего и Среднего Востока, с одной стороны, и с их исторической родиной – с другой. На протяжении всего постсоветского периода наблюдалась все более расширяющаяся тенденция к активизации связей кавказских народов со своими диаспорами на Ближнем и Среднем Востоке. Преодолевая существующие трудности и противоречия, лидеры зарубежных национальных диаспор поддерживают стремление соплеменников на Кавказе к возрождению своих национально-культурных традиций, языка, восстановлению исторической памяти и т.д.

Очевидно, что Кавказ в целом и Ближний Восток представляют собой регионы, которые характеризуются весьма сложным переплетением множества факторов, затрудняющих критерии определения сколько-нибудь четко фиксированных границ конкретной этнонациональной общности. Их особенность в рассматриваемом плане состоит в совместном существовании множества этносов или народностей, принадлежащих к различным этнокультурным, языковым семьям или группам, а также различным конфессиям. Поэтому этнополитическое пространство Северного Кавказа не заканчивается на южной государственной границе Российской Федерации или северной границе закавказских государств, а простирается на территорию Азербайджана, Грузии и Армении и дальше – на страны Ближнего и Среднего Востока, благодаря диаспорам народов Кавказа в Турции, Сирии, Иордании, Иране. Иначе говоря, социокультурное и этнонациональное пространство Кавказа более или менее тесно смыкается с геополитическим про-

странством Ближнего и Среднего Востока. Это обуславливает тот факт, что обоим регионам присущи некоторые общие характеристики, которые служат основой для тесной взаимосвязи этнополитики с геополитикой.

При таком положении вещей этнополитическая составляющая приобретает дополнительную значимость в определении геополитической ситуации в обоих регионах. Здесь велика политическая и социально-экономическая нестабильность, именно здесь завязаны узлы трудноразрешимых в обозримой перспективе этнонациональных противоречий, имеющих множество аспектов – исторический, политический, религиозный, культурный, территориальный, социально-экономический и т.д. Здесь много территорий, представляющих собой потенциальные очаги конфликтов, содержащие скрытую и открытую напряженность в отношениях между этническими общностями. Этим во многом объясняется тот факт, что результатом распада СССР и двухполюсного миропорядка стало возрождение на огромном евразийском пространстве, от Балкан до Афганистана, дремавших до сих пор этнонациональных, конфессиональных, территориальных и иных конфликтов, которые, то затухая, то вновь выплескиваясь на поверхность, оказывают существенное влияние на геополитическую ситуацию во всем мире.

Для Азербайджана эта ситуация оборачивается наличием узла напряженности в районе северной границы, где после распада СССР лезгинский этнос был поделен между Российским и Азербайджанским государствами, для Грузии – существованием конфликтогенных ситуаций в Южной Осетии и Абхазии, что привело к грузино-российской войне в августе 2008 г.

Схожая ситуация наблюдается и на Ближнем и Среднем Востоке. Каждый раз обострение социального и политического положения в южных населенных курдами вилайетах Турции неизбежно отражается на других трех государствах, в которых на граничащих с ней территориях компактно проживают курды. Не раз бывало так, что под предлогом преследования курдских боевиков турецкие воинские подразделения вторгались на территорию Ирака. При определенных условиях такое же положение может сложиться на границе Ирана с Азербайджаном, что косвенно может отразиться и на Российской Федерации, где проживают сотни тысяч, а возможно, и миллионы азербайджанцев.

Перечисленные факторы и множество других связанных с ними свидетельствуют о том, что этнонациональный вопрос является одним из важнейших для сохранения единства Ирака, Турции, Ирана, равно как Азербайджана и Грузии, для обеспечения социальной и политической стабильности во всем Кавказско-Ближневосточном регионе.

Список литературы

Трахо Р. 1956. *Черкесы*. Мюнхен.

Tarock A. 1997. Iran's Policy in Central Asia. – *Central Asian Survey*. No 16(2), P. 185-200.

EMIROV Rashid Maratovich, *Cand.Sci.(Pol.Sci.)*, *Officer of the Law Enforcement Agencies (donna@front.ru)*

DIASPORA OF THE CAUCASIAN PEOPLES IN THE COUNTRIES OF THE MIDDLE EAST

Abstract. *The article attempts to analyze some problems of the Caucasian diasporas in the Greater Middle East in the context of the relationship between two regions. Using a variety of very important criteria the author analyzes the geopolitical dimension of the North and South Caucasus as a single space where geopolitics is close to the ethnic policy. At the same time, its geopolitical boundaries extend to the south – to the Greater Middle East, which is close to it by a variety of systemic and structural characteristics. One of the factors that increase this connection was a resettlement of the Northern Caucasian diaspora to the territories of the former Ottoman Empire in the 19th century during and after the end of the Caucasian War.*

Keywords: *Caucasus, Middle East, Caucasian war, diaspora, geopolitics, government*